

Фарица Унгарсынова – поэт ярко выраженной индивидуальности, давно и справедливо признанный народом, всеми, кому дороги стихи, кто ценит слово предков. Многие стихотворения Фарицы Унгарсыновой, которые вошли в сердца поколений, положены на музыку выдающимися казахскими композиторами.

Редакция «Простора» печатает фрагменты из философской поэмы Фарицы Унгарсыновой «Скитания голоса в двух зеркалах». В поэме запечатлен диалог автора и его матери – наставления людей старшего поколения, передающего следующим поколениям драгоценный опыт жизненных идеалов, народных и семейных традиций.

СКИТАНИЯ ГОЛОСА В ДВУХ ЗЕРКАЛАХ

Фрагменты поэмы

Венерианским пеклом дышит степь,
голодным детством попрекает печень,
уже привычный город, будто цепь...

Вдруг мать, вся белоснежная,
у печки хлопочет обо мне и напевает,
что лучше пекла жизни не бывает,
где наша юрта держится едва,
храня людей от пушечного ветра,
где под песком шевелится трава
и в нас жива растительная вера.

– Я худа, как дервиш по обету,
дальше только пропасть и видна.
Скверный гость из самых духом бедных
был бы в радость,
только я одна.

Безъязыкий красный телефон,
как беглец из плена Чингисхана,
и сгущается болезни фон –
нет микстуры от душевной раны.

И уже безвестности наркоз
(хоть необратимы мои строчки)
крови заглушил первоисточник,
завершая жизни перекося.

Нет для глотки счастья ни глотка,
кроме слов, извергнутых наружу,
слава Богу, память коротка –
голос снова песнею натружен.

Жизнь – каменоломня, и никто
не взмахнёт моей стальной киркою...
Голос материнский и святой
льётся колыбельною рекою.

Сплю и помню каждое мгновенье,
отвечаю, кто бы ни позвал
(позабывший тоже вне забвенья),
за стеной змеится карнавал.

Думы и реальность разошлись –
двойственность на нет усилия сводит...
Жить в две жизни –
разве это жизнь?
Воля на исходе.

Притча о пропасти

— Наша осень вовек не бывала золотой,
к Мангышлаку сравнение сие непригодно,
но и мы возвращались с кочевий домой:
встречи, радости, новости —
сколько угодно.

В детстве не было сада, но будто бы был
и стоит, головёшкой весь век догорая.
Ты рекою миражной мимо проплыл,
прямо к пропасти мимо реального рая.

Есть опасность, жужжащая пулей в виске, что другим за тебя совершается выбор – на мели издыхаешь в прибрежном песке браконьером по брюху распоротой рыбой.

После заново надо учиться ходить,
и в наставники мать не годится, —
лишь пропасть.
Та научит возмездью,
научит простить,
та научит
достойно прожить свою повесть.

По пастушеской жердочке ты перейдёшь
по-над страшную речкою инопланетной,
у вселенского зла этот миг отобьёшь
ради жизни другой,
беспечальной и светлой.

Постоит твоё горе на том берегу
и отстанет,
отступится, как наважденье...
Только пропасть поможет,
а я не могу
обучить жить по-новому, будто хождению.

* * *

– Шуршанье времени –
песок, песок, песок.
Как монотонны смерчи и барханы,
два странника бредут без каравана:
мой приземлённый путь и солнца –
невысок.

Как солнце вечность тянет на себе,
 так я тащу судьбу –
 нет тяжче ноши...

Покров рассвета в рубище изношен,
чуть тащимся свершившие побег.

В сосульку смёрзлась нищая душа.
Была у жизни мамина походка.
Теперь от суши пересохла глотка,
родник, как пылью, болью иссуша.

Но колокольчик слышен кочевой
лишь еле-еле,
 будто в новой вере.
Душа зияет язвой моровой.
Бреду на звук последних сил по мере.

Перевод Татьяны ФРОЛОВСКОЙ

